

Николай Галынин

Полустёртая зебра. Сборник рассказов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Галынин

**Полустёртая зебра.
Сборник рассказов**

«Автор»

2020

Галынин Н. А.

Полустёртая зебра. Сборник рассказов / Н. А. Галынин —
«Автор», 2020

ISBN 978-5-532-91417-9

Маленький сборник рассказов, где черных полос в жизни людей гораздо больше, чем белых. Каждая история со своей трагичностью повествует о жителях разных городов и даже разных стран и об их судьбах.

ISBN 978-5-532-91417-9

© Галынин Н. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Барaban удачи	5
Выпускной, который запомнят	12
Глава I. Последний звонок	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Николай Галынин

Полустёртая зебра. Сборник рассказов

Барабан удачи

21 декабря 2011

Открытое окно не давало покоя юной «рок-звезде». Он пытался закрыть его, чтобы обильный поток снежных хлопьев не залетал в комнату, но оно не закрывалось. После нескольких безуспешных попыток он бросил эту затею и достал пачку сигарет и, взяв одну из них в рот, на секунду задумался, где взять огонь. Похлопав по карманам рваных черных джинс, он нашел зажигалку, но, к сожалению, она была без топлива. Взгляд рокера быстро обежал эту весьма неудобную комнатушку, которую ему выделило руководство бара под гримерку. Он нашел коробок спичек, лежащий на кофейном столике, дрожащими руками чиркнул спичку и подпалил свою отраву. Никотиновые пары мигом проникли в его легкие, полностью заполняя их пространство едким и противным дымом.

Вкушая расслабляющий воздушный яд, он думал. Думал о себе, своем творчестве, о будущем. Какую бы линию событий он ни продумывал, в его голове она всегда приводила к печальному концу. Шум музыки в баре и визг проезжающих машин нисколько не отвлекали его от мыслей.

«Нужно настроить гитару», – промелькнуло в голове у рокера. Он подошел к ланч-боксу и открыл крышку. Внутри лежала довольно обычного вида электронная гитара. На её верхней деке – красные брызги на белом фоне. Гриф был темно-коричневого цвета с потертостями на ладах. Прямо на гитаре лежал револьвер. Взгляд юноши остановился на нем. Он медленно взял его в руки и открыл барабан. Все шесть патронов были на месте. Этот револьвер – единственное, что осталось у него от наследства отца, который был заядлым коллекционером огнестрельного оружия. Единственное, что он еще не успел пропить и прокутить.

Дверь комнатушки начала, медленно и очень сильно скрипя, открываться. Рокер быстро засунул револьвер в джинсы со стороны спины.

– Да-да, я понял, готовность пять минут, я ему передам, – входя в комнату, произнес продюсер, продолжая разговор с кем-то в коридоре,

Он был одет в коричневую кожаную куртку, из-под которой виднелась пестрая рубашка. Посмотрев на «рок-звезду» секунд семь, он промолвил:

– Твою мать, Макс, ты выглядишь как ВИЧ-инфицированный! Тебя не то, что слушать, на тебя смотреть страшно. Взгляни в зеркало, мешки под твоими глазами по размеру могут сравниться только с мешками картошки на даче у моей бабки! Я тебе говорил, слезай с героина, тебя потом никто узнавать не будет...

– Как будто сейчас меня кто-то узнает, – язвительно перебил Макс.

– Ты опять за свое? Я тебе уже не раз говорил: просто так знаменитым не станешь. Нужно либо писать идеальную музыку, либо как-то привлечь к себе внимание. Но ты же не сторонник всяких скандалов, поэтому мы идем по пути идеального альбома. Пока что из того, что ты пишешь, людям мало что заходит. Твоя музыка... она... на любителя... не для всех.

– Чтобы музыка заходила, нужно, чтобы ее хотя бы слушали. Лёх, ты же мой продюсер, ответь мне, почему за все три года, что мы работаем, я ни разу не слышал ни одной своей песни по радио?

– Да потому что твои песни не проходят цензуру. Я уже сколько раз отправлял, все пишут одно и то же – не подходит по формату. Может, лучше ты начнешь писать треки, которые люди захотят переслушивать, а не такие, от которых тянет блевать? – с укором произнес Алексей.

– Исполнитель не должен прогибаться под слушателя! Он творец, он должен творить то, что считает нужным! – воскликнул рокер.

– Если бы исполнители не прогибались под слушателя, все давно бы бомжевали. Я не хочу с тобой спорить, у тебя сейчас выступление, после него поговорим. Я тебя только прошу, не исполняй «Если я погибну», людям не нравятся грустные композиции, – уже выходя из комнаты, сказал продюсер.

«Да пошло оно все! – Макс пнул ногой стену, – Может я действительно бездарность, которая не может придумать, что-то интересное для людей? Не может такого быть! Я пишу песни с глубоким смыслом, а они этого не понимают. Привыкли слушать свой рэп, где все треки поверхностные и не несут никакой смысловой нагрузки. Мою музыку нужно слушать и понимать, ведь каждая строчка имеет двойной смысл. Вот сейчас пойду на сцену и покажу им, что такое настоящая музыка».

Макс взял гитару и направился к сцене. Находясь в пути, он уже слышал, как его объявляют. Выйдя на сцену, рокер увидел весь бар. Это довольно тесное помещение с ободранными стенами и подтеками на потолке. Неужели в Питере все еще существуют такие заведения?

За столиками сидели молодые люди, в основном парни, которые равнодушно пили пиво, наполняя свои бездонные желудки. Рокер выплюнул обгоревший окурочек изо рта вниз, в уже задымленное от кальянов помещение, резко ударил по струнам и начал играть.

Он исполнял «Стокгольмский синдром», одну из немногих из своих песен, которые считал шедеврами. Звучание струн было резким, но казалось, что так и надо. Это же не арфа, чтобы нежными подушечками пальцев еле касаться каждой струнки, подобной волосу ангела. Это был рок, который требовал твердости и жесткости в плане музыкальности. Макс наслаждался каждым аккордом, взятым на этом слегка потрепанном грифе. Он играл с закрытыми глазами, а его грубый хриплый голос очень хорошо вписывался в атмосферу музыкального произведения.

Когда песня подходила к концу, Макс открыл глаза и увидел, что практически никто не слушает его. Толпа парней просто веселилась отдельно от музыки, изредка даже перебивая её. Рокер сначала этого не слышал, поскольку был полностью погружен в свою стихию, но сейчас он обратил на них внимание. У Макса возникло ощущение, будто самую острую катану в мире воткнули ему в грудь.

«Три года насмарку. Три года! За это время ни одного предложения, ни одного приглашения. Мало прослушиваний альбома, нет отдачи от слушателей. Все идет наперекосяк. Видимо это все-таки не мое... А что тогда мое? Я не хочу заниматься ничем другим, кроме музыки. Это моя страсть... я без нее не смогу. За что Бог так не любит меня? За что? Мне кажется, если я сейчас выстрелю в себя из пустого револьвера, то мои мозги разлетятся по всей сцене. Ха, мне нечего терять, почему бы нет?» – возникла безумная мысль в голове у рокера.

– Не хотите меня слушать, тогда смотрите! – крикнул в микрофон Макс, доставая из-за спины револьвер. – Вы когда-нибудь задумывались о том, нужны ли вы этому миру? Я вот в последнее время очень часто. И сделал вывод, что так и не пойму этого, пока не испытаю удачу. Я оставляю в своем револьвере только один патрон, – сказав это, он открыл барабан и высыпал пять патронов на сцену. – Дальше я наудачу кручу барабан и стреляю себе в голову один раз, если повезет – буду жить и мучиться дальше, если нет – то так тому и быть.

Макс, подобно спичке, провел барабан револьвера по всей поверхности левой руки и направил дуло к своему виску. Никто из присутствующих явно не ожидал такого поворота событий. Они сидели молча, то ли из-за шока, то ли так хотели зрелища. Рокер отодвинул курочек, зажмурился изо всех сил и нажал на спусковой крючок...

Щелчок. Такого адреналина «рок-звезда» никогда не испытывала. Когда твою судьбу выбираешь не ты сам, а госпожа Фортуна. За эту секунду он вспомнил абсолютно все самые

счастливые моменты своей жизни: детство, школьная группа, первая любовь, первая проба алкоголя. Макс был в недоумении; он всю жизнь думал, что не имеет разницы, когда умрет человек (сегодня, завтра, через год), важен сам факт смерти, а оказалось не так. Когда ты лицом к лицу видишься с повелительницей мрака, пытаешься ухватиться, чтобы она не утащила тебя в свое царство душ.

Макс быстро смекнул, что выглядит напуганным, и в ту же секунду сменил прежнее выражение лица более равнодушным.

– Видимо, суждено мне еще пожить в этом аду, – со вздохом сказал рокер. – А если вы подозреваете, что я блефую, то вот...

Музыкант направил дуло к потолку, отпустил курок и нажал на крюк. Щелчок. Еще раз. Еще щелчок. Еще раз. Выстрел. Он довольным взглядом посмотрел на посетителей и ровным шагом покинул сцену.

25 декабря 2011

Очень громкая музыка перебивала стук в дверь. Как ни пытались звуки гитары заглушить эти жесткие удары о деревянную поверхность, у них не получалось. Макс лежал на обшарпанном диване с сигаретой во рту и просто смотрел на желтые подтеки на потолке, полученные от безответственных соседей, которые забывают выключить воду и каждый месяц затапливают его. Целых четыре дня после той выходки с револьвером, он не выходил из дома и отрывался от дивана, только чтобы сделать глоток воды и сходить по малой нужде. Он думал – раз Бог оставил его в этом мире, значит Макс нужен ему. Но если ничего не получается с музыкой, значит нужен в роли кого-то другого.

Уже начал тлеть бычок сигареты, поэтому Макс пришлось встать и подойти к столу, на котором лежала пепельница, полностью заваленная окурками. Стук в дверь начал раздражать. Рокер, пошатываясь, лениво направился к двери.

– Кто у нас тут такой упёртый? – громко, с дерзостью в голосе спросил Макс, открывая дверь.

На пороге стоял Алексей с радостно выпученными глазами.

– Макс, ты не поверишь, что произошло... Тот вечер...

– Я уйду из музыки, я же тебе сказал. Это не мое, – не дал договорить продюсеру рок-звезда.

– После того, что ты сейчас услышишь, ты меняешь свое решение, поверь мне, – настоятельно проговорил Алексей.

– Ну, что там?

– Давай зайдём в квартиру и я тебе кое-что покажу?

Продюсер, не дожидаясь ответа, зашел в квартиру и направился в задымленную комнату. Макс направился за ним. Алексей достал телефон и начал что-то тыкать в нем.

– Иди сюда, – подозвал он рокера.

Макс подошел. Алексей включил видео на телефоне.

– Здравствуйте, мои дорогие подписчики... – начал говорить парень с экрана.

– Так, это можно перемотать, – сказал продюсер и провел пальцем по дисплею.

– ... все вы знаете, как я обожаю концерты инди-исполнителей... – продолжал говорить парень.

– Вот, вот здесь смотри.

– ... так вот, совсем недавно мне довелось побывать на концерте одного из них. По нему видно, что он настоящий рокер. Он исполнял композицию, которая, по-моему, называлась «Стокгольмский синдром» или как-то так. Боже, какая это великолепная песня. Вам просто нужно её услышать. Одинокое звучание электронной гитары сделало весь мой день. А какие там были слова... Это лучший современный поэт, которого я только слышал. Но дальше слыши-

лось то, на что способен только настоящий рокер. Он, можно сказать, играл в русскую рулетку, хорошо, что я снимал его выступление и этот момент попал в видео, – на экране появился момент, когда Макс заряжает револьвер и стреляет в голову. – Боже, вот это я понимаю настоящий музыкант! Я нашел его альбом и прослушал его. И вот что я скажу, каждая его песня достойна оказаться на верхушках всех музыкальных чартов. Особенно песня «Если я погибну», она просто божественна. Вы должны послушать этот альбом, я оставлю ссылку в описании... – на этом моменте Алексей выключил видео.

– И что? – равнодушно спросил Макс.

– Знаешь сколько у нас прослушиваний альбома после этого видео? Полтора миллиона! Ты понимаешь? Полтора миллиона! – заорал на всю квартиру продюсер.

Макс пребывал в некоем шоковом состоянии. В голову резко ударила кровь, и он не понимал, что происходит. В глазах помутнело и все поплыло. Перед ним прыгало темное пятно, он понимал, что это был Алексей, но не видел этого. Через какое-то время зрение вернулось к нему.

– Полтора миллиона? – переспросил рокер.

– Да, твою мать, полтора миллиона! И знаешь что? Самый крупный клуб Питера приглашает нас выступить у них, потому что их завалили просьбами устроить наш концерт!

– Значит, выступаем? – спросил Макс.

– Конечно же! Только есть одна проблема... – загадочно начал Алексей.

– Какая?

– Ну, ты же понимаешь, что произвел впечатление на людей благодаря той выходке с револьвером... Мне кажется, это должно быть твоей фишкой!

– Ты с ума сошел? Я стрелял наугад. А если мне не повезет в этот раз? Ты головой думаешь? – начал кричать рокер.

– Да не ори ты! Я все предусмотрел, – сказал Алексей и достал револьвер. – Этот экспонат я специально заказал у своего знакомого. Суть заключается в том, что когда крутишь барабан, ячейка с патроном пролетает мимо. Он, что-то там подпилит, не знаю что, я же не инженер. Но дело в следующем: сколько бы ты ни крутил барабан, патрон пролетит мимо. А когда будешь делать выстрелы по очереди, он абсолютно ничем не будет отличаться от других револьверов.

Макс долго стоял в раздумьях.

– Это точно безопасно? – с опаской в глазах спросил музыкант.

– Точно, точно. Мой друг меня не обманет. Ладно, бери револьвер, а я пошел. И не забывай, у тебя завтра концерт в шесть часов вечера.

– Уже завтра? – удивленно спросил Макс и в ответ получил лишь звук захлопывающейся двери.

Рокер остался наедине со своим новым другом. «Может... опробовать его?» – промелькнула мысль. Он зарядил револьвер и прокрутил барабан, опустил курок и стрельнул. Ничего. Прокрутил еще раз и стрельнул. Снова ничего.

– Видимо, я все-таки стану рок-звездой, – широко улыбнувшись, сказал Макс.

26 декабря 2011

Шум толпы заглушал мысли. Все голоса смешались в одну непонятную, нечленораздельную звуковую массу и проникали в глубины ушных раковин рокера. Они наполняли его душу сначала уверенностью, затем страхом. Эти эмоции беспорядочно чередовались, не давая Максиму выйти на сцену. «А если я налажаю? Я никогда не выступал перед такой толпой, я сто процентов налажаю! Или нет? Или «новичкам везет»?» – думал про себя рок-звезда. Продюсер подошел сзади, положил руку на плечо и, кивнув головой, промолвил:

– Пора.

Макс вышел на сцену и уверенным шагом направился к микрофону. Ему казалось, что он идет гордой и смелой походкой, но это была неправда. Он шел, как совершенно обычный человек идет по улице в дождливую погоду, пытаясь избежать попадания капель на свое драгоценное тело. Подойдя к микрофону, он сказал уже заранее подготовленные несколько фраз.

– Держу пари, что все из вас узнали обо мне из интернета. Знаете что? У интернета нет души, как и у многих современных людей, поэтому мы так часто отказываемся от посиделок с друзьями, променивая их на общение в чатах. У интернета нет души, у людей нет души, а у моих песен есть. И я хочу поделиться этой душой.

После этих слов он начал играть. Как посоветовал ему продюсер за четыре часа до выступления, он начал концерт с самой не популярной своей песни «Осколки души», чтобы с каждой песней у слушателей нарастал уровень экстаза. Несмотря на то, что альбом слушали всего четыре дня, зал начал подпевать припев песни, что придало уверенности Макс, и он погрузился в музыку с головой. Гитарные аккорды струей лились из инструмента и падали, подобно Ниагаре, на слушателей, унося их в океан музыкального наслаждения. Каждая нота, как цунами, обрушивалась на них.

Далее, по нарастанию интереса, шли остальные его композиции: «Кровавые пальцы», «Эхо», «Голландский штурвал» и «Стокгольмский синдром». Наконец очередь дошла до финальной песни. Макс ждал этого момента не меньше остальных, ведь он считал эту композицию лучшей.

– А сейчас прозвучит песня, которую мой продюсер долгое время запрещал мне играть, так как она «слишком грустная». Но я думаю, не стоит никому объяснять, что эта песня сейчас занимает первое место в чартах? Что же это могло значить? Может... потому что людям заходят депрессивные песни? Сейчас мы это проверим, – сказал рокер и ударил по струнам.

Проиграв небольшое вступление, он хотел открыть рот, но не сумел – толпа начала петь сама. Каждый голос из зала повторял текст песни, четко соответствуя ритму мелодии. Какое же блаженство для творца, когда все знают его произведения! Макс по-настоящему испытывал удовольствие от всего, что происходило в зале. Он слушал это многоголосие, лишь изредка добавляя частичку своего тембра к нему.

Но все когда-нибудь кончается. Закончилась песня, пришло время для нанесшего шума ритуала.

– Знаете, совсем недавно я думал, что Бог отвернулся от меня – бросил на произвол судьбы, оставил гнить в этом мире. Сегодня я понял, что он лишь собирал все свои силы, чтобы поцеловать меня как можно крепче. Отдать всю свою любовь, чтобы защитить меня от любой угрозы. Не верите? А я вам сейчас докажу, – при этих словах он достал фальшивый револьвер.

Толпа заорала и заплодировала. Макс проделал те же самые действия, что и четыре дня назад. Поднес дуло к виску и выстрелил. Щелчок.

– Что и требовалось доказать, – смеясь, крикнул рокер.

Затем он направил дуло в пол и выстрелил. Громкий звук обдал весь зал, из-за чего толпа пришла в неопишуемый восторг. А Макс развернулся и направился за кулисы нахальной походкой победителя.

21 июня 2012

– Макс, у нас проблемы, – заходя в гримерку, промолвил обеспокоенный продюсер.

Рокер лежал на кожаном диванчике со стаканом бурбона в руке. Сам же он был одет в фирменный мерч с разными дорогими аксессуарами. Рядом лежала новенькая ядовито-жёлтая гитара со стальными никелированными струнами.

– Что случилось? – лениво опуская дорогие очки с переносицы, спросил рок-звезда.

– Недавно мне писал тот самый «друг», который сделал тебе револьвер и запросил баснословную сумму за молчание про фальшивое оружие. Ну, я ему и сказал, так мол и так, полгода назад ты не просил такие суммы, вот и сейчас не проси. Мы можем оплатить тебе работу, но уж точно не за такую цену. А сегодня вышло интервью с ним, где он рассказывает о том, как благодаря ему ты стал знаменитым.

– Как давно вышла эта статья? – присев, спросил Макс.

– Пять часов назад. Я думаю, что многие уже успели прочитать ее, – расстроено сказал Алексей.

– Ладно, пусть концерт будет идти как должен, если возникнут проблемы – придумаю, что можно сделать...

Алексей серьезно посмотрел на него.

– Только не наделай глупостей.

– Ой, да успокойся! Иди уже, мне надо гитару настроить, – начал выпроваживать продюсера рокер.

На самом деле гитара была настроена, просто ему нужно было время для обдумывания плана отступления. Как назло ничего в голову не лезло. Уже надо было выходить на сцену. Он взглянул на старый ланч-бокс, подошел к нему и открыл. В нем все также лежали его старая гитара и отцовское оружие. Макс взял револьвер с собой и отправился на сцену.

Поднявшись на сцену, он сразу почувствовал нетипичную атмосферу. Никто не кричал и не свистел, все молча смотрели на него. Рокер сглотнул ком в горле и медленными шагами направился к микрофону.

– Я так понимаю, что многие прочитали статью про меня и... посчитали, что я действительно могу обмануть своих верных слушателей? Эта статья – полнейшая клевета, чтобы пропиариться за счет моего имени и ничего большего.

– А ты докажи, – кто-то крикнул из зала.

У Макса выступил холодный пот на лице, точно такой же выступил и у Алексея, который стоял за кулисами и наблюдал за всем этим. Макс достал настоящий револьвер и показал публике.

– Это не доказательство, – послышался женский голос из зала.

У Макса пересохло в горле. Только минуты через две он смог промолвить:

– Я знаю, как вам доказать.

Он открыл барабан и засунул пять патронов.

– Как там этот лжец говорил? Сколько барабан не крути, все равно выпадет пустая ячейка? Я засунул пять патронов. Сейчас прокручу барабан и стрельну в потолок, если выстрелит, то я прав. Если не выстрелит, я прокручу барабан еще раз и снова окажусь прав.

Макс провел барабаном о правую руку и стрельнул в потолок. Оглушительный звук поразил публику, и она от радости зааплодировала. Концерт продолжался. Это было самое лучшее выступление за все время. Чувствовалась невероятная отдача от слушателей, особенно на последней знаменитой его песне «Если я погибну».

Рокер закончил свое выступление.

– Ну что же, спасибо вам всем, это был самый лучший концерт в моей жизни, надеюсь и в вашей тоже. В честь такого события, я хочу немного изменить свой ритуал на этот день. Вместо одного патрона я оставляю три! – Макс потянулся к себе за спину и остолбенел. Он забыл взять фальшивый револьвер.

«Что делать? Что мне делать? Револьвер в гримерке, уйти со сцены нельзя, попросить кого-то принести тоже. Они сразу заподозрят. Твою мать, что же делать?» – уже плача в душе, думал рокер.

Назад дороги нет. Раз сказал – надо выполнять. Рок-звезда открыл барабан, вставил три патрона, прокрутил его.

«Бог же меня любит... он меня спасет», – надеялся про себя Макс.
Он поднес дуло к виску, спустил курок и нажал на спусковой крючок. Выстрел.

Выпускной, который запомнят

Глава I. Последний звонок

Жаркое майское утро началось для Паши с бытовых хлопот. По дому гуляли суета и спешка. Мать гладила брюки и одновременно готовила завтрак для своего выпускника, при этом укоряя отца в неучастии в важном для их ребенка событии. Папа же в свою очередь сидел на кухне, читал газету и пытался абстрагироваться от всех звуковых волн, исходящих из рта его жены. Радио кричало на весь дом, что еще больше заставляло встать со своего ложа Пашу.

– Проснулся наш совёнок, – смеясь, сказала мама.

– Мам, ну я же спал, зачем так рано всем этим заниматься, – зевая, сказал Паша и посмотрел на часы. – Сейчас ведь всего восемь часов. А мне надо в школу только к половине одиннадцатого.

– А как же иначе? А покушать? А примерить костюм?

– Я не хочу есть, – со стоном произнес школьник. – А насчет костюма, зачем его вообще мерить, мы же видели, как он сидел на мне, еще в магазине.

– Надо померить, а вдруг придется брюки подшить? А вдруг костюм сел? К этому надо ответственно относиться! Как никак, выпускной бывает только один раз, – сказала мать.

– Мам, у меня сегодня только последний звонок, незачем так стараться, – продолжал канючить Паша.

– Ну, прям-таки, – не обращая внимания на недовольство сына, продолжала родительница.

Одиннадцатиклассник отправился на кухню.

– Ну что, малец, готов отправиться во взрослую жизнь? – шутливо произнес отец.

– Да, конечно, – с равнодушием произнес Павел, садясь за стол и подвигая к себе тарелку с блинами.

– Какие уж там экзамены ты сдаешь, напомни? – наигранно спросил папа.

– Русский, математику, биологию и химию, – механически произнес школьник.

– А, ну да, ты же у нас в медицинский собрался, – проговорил отец, хватая с тарелки жирный и промасленный блин. – А на кого конкретно решил уже?

– Сначала пойду на лечебное дело, а дальше хотел учиться на патологоанатома.

– С трупами возиться собрался? Не, это не дело. Иди лучше на венеролога, больше в жизни пригодится, – сказал и засмеялся во весь голос родитель.

Паша лишь слегка улыбнулся.

– Ты мне, кстати, вот что скажи, ты с девушками уже... ну это... было?

Этот вопрос давно сидел в печенках у Паши. Практически каждый месяц после наступления четырнадцатилетия этот вопрос задавался ему. Он уже устал отшучиваться от так надоевшей ему темы, поэтому решил просто проигнорировать сказанное, молча поедая блины.

– Эх, ты! Я в твои-то годы столько девок перепялил... – начал отец.

– Кого ты там пялил? – с недоумением на кухню зашла мать с огромными бигуди на голове.

– Ой, Свет, иди свои дела делай, я тут парня жизни учу.

– Учит он! – с укором в глазах сказала мама, а потом обратилась к сыну. – Я тебе там костюм погладила, он на кресле лежит.

– Отлично, – проговорил Паша и ринулся умывальнику. – Я сейчас как раз и пойду.

– Так ты же сказал, что еще рано.

– Ну, пока дойду, пока чего. Не зря же вставал, – с приподнятым настроением сказал Паша.

Он забежал в комнату, быстро надел костюм с рубашкой на выпуск и пошел в школу.

Солнце пекло так сильно, что со лба Павла прямо за воротник рубашки катились коварные капли пота. Выпускник решил снять свой пиджак и ускорить шаг. Маршрут его был проложен через заднюю часть школы, в которой находилась деревянная пристройка, по совместительству – столовая. Павел был далеко не пай-мальчиком и часто попадал в кабинет директора за свое безответственное поведение. В кабинете каждый месяц появлялось что-то новое: то диванчик, то кожаное кресло, то плазма размером со школьную доску. Выпускника всегда удивлял столь богатый кабинет директора, тогда как сама школа походила на какое-то полуразрушенное здание из Чернобыля.

Подойдя к деревянной пристройке, Паша увидел рабочих, которые ставили на окна белые, с ржавчиной в некоторых местах, железные решетки. Директор объяснял такое решение тем, что семиклассники воруют еду, хотя все прекрасно понимают: пищу забирают сами повара. Их нельзя осуждать – им платят копейки, если платят вообще. Был даже случай, когда зарплату им не платили два месяца подряд, после чего все поголовно начали увольняться. Они уходили и снова возвращались, потому что с их образованием дальше школьной столовки пробиться было некуда, а в других школах вакантных мест не было.

Паша остановился и стал наблюдать за работниками. Из пристройки вышла женщина. Это была тетя Зина, считавшаяся главной по столовой. Ее знали в школе все – от учеников до преподавателей. Самая добрая женщина в мире, всегда вежливая, улыбчивая, добрая, никогда не откажет в добавке. Тетя Зина знала многих школьников, так как всех провинившихся отправляли к ней отбывать наказание: мыть посуду или полы. А провинившихся в этой школе было много. Но тетя Зина всегда всех отпускала, жалела их. Увидев Пашу, она его окликнула:

– Павлуша, привет! – радостно крикнула женщина.

– Здравствуйте, тетя Зин! – добродушно улыбаясь, сказал выпускник.

– Павлуш, слушай, помоги, а? Грузчики продукты привезли, а я одна все не разложу.

Старая, да и стреляет в спину что-то.

– Да, конечно, без проблем, – ответил он.

Они направились в столовую. Посреди нее на главном столе возвышалась гора из продуктов. Картофель, рыба, пачки макарон в коробках, куриные тушки и так далее. Паша под руководством тети Зиной стал раскладывать пищу по местам. Он справился с этим быстро, меньше чем за пять минут.

– Ну, все? Я пошел? – спросил он.

– Подожди, не мог бы ты это ведро поставить вон на ту полку над окном?

Паша посмотрел на старую полку и спросил:

– Тетя Зин, а вы уверены, что она выдержит? Мне кажется, она на соплях держится.

– Да выдержит, выдержит. Она и не такое выдерживала, а тут всего то шесть литров масла.

– Ну ладно, – сказал выпускник, взяв ведро и поставив его на дряхлую полку.

– Ну вот, я же говорила, все, можешь идти. А нет, стой, – тетя Зина достала яблоко из кармана и дала Паше. – Вот, это тебе за помощь.

Он поблагодарил повариху и быстрым шагом отправился в свой класс, где уже находились практически все одноклассники: девочки, которые поправляли друг другу банты; парни, громкий смех которых звучал подобно ржанию лошадей; класснуха, Валерия Алексеевна, поочередно придельвавшая степлером красные ленточки к одежде выпускников. Проходя мимо них всех, он отдаленно слушал их разговоры. Алёнка Глызина хвасталась тем, что получит золотую медаль, хотя сама ничего не знает и преподаватели ее очень сильно натягивали с тройки на пятерки – за родительские деньги, конечно. Влад Дубовский в красках описывал, как переспал с миловидной кассиршей из продуктового. Колька Азимов сидел в стороне от

других, был в своих мыслях и изредка спрашивал сигареты у мимо проходящих одноклассников. Все происходило так, как происходило всегда. Ничего нового.

– Так, дети, время! Пора, пошли в актовЫй – громким, командным голосом проговорила классная руководительница.

Все сразу же схватили по букету и направились в зал. АктовЫй на удивление выглядел лучше, чем всегда. Помещение было украшено шарами и яркими буквами, из которых были сложены слова “ВЫПУСКНОЙ” и “УЖЕ НЕ ДЕТИ”, закрывавшие облезлые стены. Места в зале были поделены на три части: по краям сидели учителя и родители, а посередине – сами выпускники. Зазвучал гимн, и все встали. Паша никогда не понимал этого ритуала на выпускных. Зачем они это делают? Понятно было, зачем он нужен на военных парадах и государственных мероприятиях, но в школах – нет.

Проиграл гимн, и все сели на свои места. На сцену поспешила выйти завуч на пару с директором. Виктор Геннадьевич, директор школы, был одет в шикарный темно-синий костюм, от которого веяло дороговизной.

– Дорогие ученики, вот и настал тот день... – директор начал речь, которую он проговаривает каждый год, не изменяя в ней ни слова.

Никто его не слушал. Все лишь потеряннЫм улыбчивЫм взглядом смотрели на сцену и думали о своем. Паша делал также. Его распирало от несправедливости. Он сторал от негодования к директору-коррупционеру. Павел смотрел на радостное, наглое и лицемерное лицо Виктора Геннадьевича и мысленно избивал его где-то в темном переулке. Он вспоминал, как он просто издевался над обычными работниками, не платя им зарплату, аргументируя это нелепыми отмазками, наподобие «работа сделана некачественно» или «это можно было сделать быстрее». Такие люди должны быть наказаны по закону. Эти мысли настолько сильно не давали покоя, что Паша пропустил напутственные слова от всех: от директора, от завуча, от класснухи.

Настало время выходить на сцену. Выпускники сплошным потоком двинулись к подмосткам. Один за другим одноклассники зазубрено начали рассказывать стишки, которые раздали за несколько недель до последнего звонка.

Заиграла музыка. Пришло время для прощальной песни одиннадцатиклассников. Весь класс дружно начал покачиваться в такт заезженной песне. Веселые голоса учеников звучали в унисон и как будто заигрывали с мелодией, которая заседает в голове после первого же прослушивания. Пели все, кроме Паши. Мысли о наказании директора настолько не давали ему покоя, что он забыл все слова песни и просто открывал рот, дабы не выглядеть идиотом.

«Прокуратура!» – промелькнуло у него в голове.

– Мам, я пошла, меня Дима отвезет, – прозвучал звонкий голос девушки, и захлопнулась дверь.

В коричневом платье и белом фартуке, подсакивая на одной ноге, светловолосая девушка спешила к черному автомобилю, который уже сигналил ей. С букетом в руке, легким бегом на носочках, она стремительно приближалась к машине. Сев в салон, она сразу же чмокнула водителя в губы.

– Все, коть, я готова, поехали! – звуком серебряных колокольчиков радостно проговорила девушка.

– Минуточку, – сказал шофер и достал с заднего сидения букет белых роз.

Глаза загорелись и заблестели подобно морю в солнечный день. Они, не требуя ответа, спрашивали: «Это мне? Это мне?»

– С окончанием мучения, Алён, – широко улыбаясь, сказал Дима.

– Котя, ты такой милый, – Алёна обхватила букет и любовалась цветами. – Сейчас, подожди, только выложу фотку.

Она достала телефон, включила фронтальную камеру и состроила миловидную рожицу. Закончив быстро водить пальцами по экрану телефона, она вновь обратила свой взор на Диму и снова поцеловала его.

– Все, давай, поехали, а то опоздаем, – сказала она и продолжила смотреть на розы.

Машина тронулась и помчалась. Окна были открыты, поэтому волосы выпускницы развевались подобно праздничным лентам на ярмарках при сильном порывистом ветре. В машине на полную громкость играла какая-то популярная в последнее время песня.

– Ты, кстати, во сколько сегодня заканчиваешь? – спросил Дима.

– Чего? – Алёна не слышала ничего из-за сквозняка в машине. Водитель закрыл боковое стекло со своей стороны и повторил вопрос.

– Во сколько ты сегодня заканчиваешь?

– А, не знаю, ну, наверное, часам к двум освобожусь, а что?

– Может, после звонка поедем ко мне? – с надеждой спросил Дима.

– Ну не, коть, мне надо к экзаменам готовиться, давай лучше после выпускного? – мило улыбаясь, как котёнок Гав, сказала Алёна.

– Ладно, – немного поникшим голосом сказал он.

– Ну чего ты? – начала допытываться девушка.

– Да ничего, – равнодушно сказал Дима.

– А ну говори! – показушно нахмутив нарисованные брови, проговорила выпускница.

– Да просто, ты должна понимать, мне все-таки двадцать шесть, мне нужно удовлетворять свои физиологические потребности и... – начал парень.

– Я понимаю, но и ты меня пойми, у меня экзамены на носу, мне совершенно не до этого, – потом, наклонившись к его уху, сладко прошептала: Вот закончится это – и я вся твоя. Вся.

Затем резко отклонилась, вдавившись в кресло, и прикусила нижнюю губу.

Машина подъехала к школе.

– Ну, все, коть, я пошла, – сказала Алёна, взяла оба букета и снова поцеловала парня.

– Давай, удачи, – сказал Дима.

Алёна сразу же помчалась в класс. В помещении была только классная руководительница.

– Валерия Алексеевна, это вам, – протягивая букет с астрами, быстро проговорила она.

– О, Глызина, я как раз собиралась тебе звонить, зайди к директору, это по поводу твоего аттестата.

– Хорошо... – с небольшой тревогой в голосе сказала девушка и вышла из класса.

«Блин, зачем он меня вызывает? Мама же сказала, что она договорилась с ним. Ему что, мало предложенных денег? Или какие-то проблемы с учителями? Скорее всего, математичка зажала оценку поставить. Ух, как я её ненавижу! Надеюсь, эта старуха помрет быстрее, чем я поступлю в университет,» – думала Алёна на протяжении всей дороги к кабинету директора. Дойдя до двери, она постучала и немного приоткрыла её:

– Можно? – робким девичьим голосом спросила Глызина.

– А, это ты, Алёнушка, да, заходи, присаживайся, – директор обнажил свою белоснежную улыбку, напоминавшую по цвету китайскую керамику. – Чайку не хочешь? Может кофе?

– Нет, спасибо, – утвердительно проговорила выпускница.

– Ну ладно. Тогда ответь мне, Алёнушка, как дела у золотой медалистки школы номер восемь? – не снимая улыбки с лица, продолжал говорить Виктор Геннадьевич.

Алёна после этих слов почувствовала облегчение и выпалила:

– Спасибо, все хорошо.

– Конечно, хорошо, а как же иначе? Золотая медаль – это почет. Тебе сразу накинут дополнительных баллов при поступлении, – он подошел к девушке, положил ей руки на плечи и наклонился. – Передай маме, что я договорился и завтра жду от нее посылку. Хорошо?

– Да, хорошо, – Алёна вскочила с кресла.

– И кстати, – Виктор Геннадьевич полез в ящик и достал оттуда корочки. – Возьмите ваши аттестаты. На последнем звонке их не раздают, а на выпускном вам будет не до этого.

– Да, конечно, – выпускница взяла аттестаты и поспешила вернуться в класс.

Здесь уже было несколько человек. Алёна положила корочки на первую парту и сказала:

– Ребятам, разбираем аттестаты!

Все накинулись на эту кучу картонок, как голодные львы на свежую тушку мяса. Каждый старался первым урвать свой документ. Когда все разобрали свои аттестаты, Алёна подошла к компании одноклассниц.

– Девки, прикиньте, а я с золотой медалью закончу школу, – начала она.

– Подожди, так у тебя же по математике три, да и по физике не очень, – сказала одна из одноклассниц.

– Было не очень, а сейчас все хорошо! Одни пятерочки! – хвастливо визжала Глызина.

– Ну, Алёнка, ты даешь, конечно! – удивилась все та же одноклассница.

– Так, дети, время! Пора, пошли в актовЫй – громким командным голосом проговорила классная руководительница.

Пока звучал гимн, Алёна находилась в своих грёзах. Она представляла, как приходит в университет с золотой медалью. Ее там встречают с аплодисментами и на ковровой дорожке. Говорят всякие милости и комплименты. Стихает гимн, но мысли не уходят. Они продолжают идти караваном в ее воображении. Так длится до того момента, пока весь класс не выходит на сцену. Звучат проникновенные стишки для учителей, и вот очередь доходит до Алёны:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.